

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-92

«Выскочил шутом на всю Европу»: особенности изображения лорда Редстока в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и В. П. Мещерского

Т. С. Карпачева

Московский городской педагогический университет

E-mail: tatiana-karpacheva@yandex.ru

Научная статья

В статье рассматривается образ лорда Редстока, лидера постпротестантской секты редстокистов (впоследствии пашковцев) в осмыслении Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя», Н. С. Лескова в книге «Великосветский раскол» и В. П. Мещерского в романе «Лорд-апостол в большом петербургском свете».

Ключевые слова: Достоевский; Лесков; Мещерский; лорд Редсток; Дневник писателя; лорд Хитчик

«Stood out as a fool to the whole of Europe»: features image of Lord Radstock in the works of F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov and V. P. Meshchersky

T. S. Karpacheva

Moscow City University

Scientific article

The article looks at the image of Lord Radstock, the leader of post Protestant cult of radstockians (later on known as pashkovians), in F. M. Dostoevsky's «Writer's Diary», N. S. Leskov's «Fashionable Schism» and in V. P. Meshchersky's «Lord of the Apostle in St. Petersburg High Society».

Keywords: Dostoyevsky; Leskov; Meshchersky; Lord Radstock; Writer's Diary; Lord Hitchick

Изучение творчества Ф. М. Достоевского невозможно без осмысления религиозно-философских проблем, поднятых в его художественных произведениях и публицистике. Немало работ посвящено рассмотрению православной традиции в творчестве Достоевского: библейским цитатам и реминисценциям; значительно меньше внимания в достоевистике уделено теме сект в творчестве писателя, особенностям осмысления квазидуховности, психологии сектанта и сектантского лидера. Откликавшийся на все острые вопросы современности, в особенности касающиеся сферы духовной жизни, Достоевский не мог обойти стороной и эту проблему. Так, в «Дневнике писателя» освещена деятельность двух современных Достоевскому сект: штундистов и редстокистов (впоследствии получивших название «пашковцев» по имени самого активного русского последователя лорда Редстока – В. А. Пашкова). Обе секты были очень распространены во 2-й половине XIX в. Показательно, что если в 1876 г. Достоевский сетует на то, что «о лорде Редстоке, кроме немногих исключений, почти ничего не говорит наша пресса» [1, с. 99], то к началу 80-х гг. газеты пестрят упоминаниями о собраниях редстокистов: печатаются как обличающие статьи, так и статьи в поддержку секты. Люди специально ходили посмотреть на сектантские собрания и публиковали свои заметки – тема была очень популярной. В начале XX века и штунда, и редстокисты уже изучались в духовных учебных заведениях в рамках курса «сектоведение» и входили в учебные пособия. Поскольку секта, в отличие от традиционной религии, отличается недолгим временем своего существования, сейчас

обе эти организации ушли в прошлое и являются объектом изучения лишь историков религиоведения; для нас же они интересны, поскольку в свое время вошли в круг изучаемых Достоевским явлений в «Дневнике писателя».

Впервые в «Дневнике писателя» образ основателя секты редстокистов изображен в статье «Лорд Редсток» («Дневник писателя», 1876). Статья выдержана в ироничном тоне, в отличие от статьи «Смятенный вид», где изображен другой сектантский лидер, пастор штундистов (об этом см. подробнее [2]): «...я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о "схождении благодати" и что, будто бы, по выражению одного передававшего о нем, у лорда "Христос в кармане", – то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью. О том же, что бросаются в подушки и ждут какого-то вдохновения свыше, я, признаюсь, не понял, что передавали» [1, с. 98–99].

Попробуем осмыслить, что имел в виду Достоевский, когда писал о бросании в подушки. Типичное собрание под предводительством лорда Редстока, как показывают исследователи сект конца XIX в., начиналось так: «...Все общество шепотом переговаривается и посматривает на дверь, из которой должен выйти проповедник. Вот заветная дверь отворилась и перед нами высокого роста рыжий англичанин <...> лорд, почувствовав наитие, вскакивает с места и говорит: «а теперь помолимся», хватается руками за голову, бросается на колени, упирается лицом в подушку сиденья на стуле и начинается молитва, импровизируемая лордом-апостолом. Молитва эта состоит из набора не мыслей, а отдельных слов, кои лорд подбирает чрез большие промежутки времени...» [3, с. 462]. Это описание приводится в книге проф. прот. Т.И. Буткевича «Обзор русских сект и их толков». Так что Достоевскому кто-то абсолютно верно передал, как именно лорд Редсток получал «вдохновение свыше»: из подушки сиденья на стуле.

По воспоминаниям современников, лорд Редсток пользовался особой популярностью у дам высшего света, которые были привлечены его **личным** обаянием: «Ах, милорд, если бы вы знали, как благотворно вы на меня действуете, – говорит по окончании проповеди одна княгиня, – только теперь я понимаю, что любить Христа можно лишь в вашей церкви» [4, с. 117], – так отражает восприятие проповеди лорда в высшем свете автор статьи «Новый апостол в петербургском большом свете», опубликованной в журнале «Христианское чтение», под псевдонимом Н. Б. (возможно, эта статья принадлежит В. П. Мещерскому).

Второй раз в «Дневнике писателя» Достоевский возвращается к образу Редстока в статье «Миражи. Штунда и редстокисты» («Дневник писателя», 1877): «Кстати, многие смеются совпадению появления обеих сект у нас в одно время: штунды в черном народе и редстокистов в самом изящном обществе нашем. <...> Что же до совпадения в появлении двух наших сект, – то уж без сомнения они вышли из одного и того же невежества, то есть из совершенного незнания своей религии» [5, с. 12]. Это фактически сквозная мысль статей Достоевского о сектах. Как отмечает С. А. Ипатова, «все выступления Достоевского по поводу Редстока объединяют общие, сквозные идеи: редстокизм привился в русском высшем обществе по причине его "обособленности", оторванности от "почвы", т. е. народа, а также вследствие полного невежества знати в православном вероучении» [6, с. 423].

Лорд Редсток легко узнается в образе лорда Хитчика в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете», где он изображен резко негативно. Приехав в Петербург и поселившись в гостинице, лорд Хитчик спрашивает управляющего: «Христос <...> велел мне остановиться у вас; но вы скажите мне, вы хотите меня принять, как принимали первые христиане апостолов? <...> Я лорд Хитчик, я богат как лорд Хитчик, но как апостол я беден: я ничего не имею, я ничего не могу платить; как вы хотите меня принять, как лорда Хитчика или как апостола?» [7, т. 1, с. 150]. Используя свой дар внушать людям доверие, лорд Хитчик убеждает хозяина отеля принять его «как апостола», то есть бесплатно. Сплетня об этом случае, действительно, ходила по Петербургу. Известно, что этот сюжет, равно как и весь роман Мещерского, очень возмутил Н.С. Лескова. Однако именно Лесков указывает на распространенность данной сплетни в Петербурге: «Порицатели Редстока <...> доходили к нему до такой ненависти, что прямо обвиняли его в попрошайничестве и плутовстве. Они и рассказывали и

печатали, что будто Редсток даже не хотел платить денег в отеле, где квартировал, говоря, что с проповедника Слова Божия брать денег не следует» [8, с. 182–183].

У Мещерского в речи лорда Хитчика изобилуют лексические конструкции, указывающие на то, что он считает себя «избранным» и наделенным таинственной мистической силой: «Теперь, помолившись, встаньте и слушайте, что устами моими откроет нам сегодня благодать» [7, т. 1, с. 87]; «Это не я говорил, это говорил дух свыше» [7, т. 1, с. 93] и т.д. Лорд молится, уткнувшись головой в перила балкона, и получает потом «откровения свыше».

Секта редстокистов отличалась трансовыми практиками и введением своих адептов в измененное состояние сознания. Как отмечает видный исследователь сект XIX в. К. Плотников, «богомоление их состоит из импровизированных молитв, чтения Св. Писания, проповеди и чтения стихов. Во время молитвы присутствующие преклоняют колена и складывают руки, некоторые же приходят в экстаз, вздыхают, плачут» [9, с. 158]. Н.С. Лесков, посвятивший осмыслению редстокизма и образу Редстока свою книгу «Великосветский раскол», также говорит об экзальтированном состоянии собравшихся на проповедь Редстока, скорее, правда, наигранном: «...многие (дамы – Т.К.) от переживаемой ими тревоги и волнения начинают всхлипывать и даже плакать, более или менее грациозно закрываясь батистовыми платками. Некоторые из них делают это совершенно как Гретхен, плачущая у фонтана» [8, с. 230]. На эту же особенность собраний указывает и В.П. Мещерский в романе «Лорд-апостол в большом петербургском свете». Мещерский изображает несколько собраний под руководством лорда Хитчика, на которых пение перемежается плачем, биением себя в грудь и иными экзальтированными состояниями. Мы видим, что здесь описания лорда Хитчика Мещерским и лорда Редстока Достоевским, а также специалистами по сектам Буткевичем и Плотниковым совпадают.

В романе Мещерского лорд Хитчик влюбляется в главную героиню – княгиню Суханову, которая во время описываемых событий находится в сложных отношениях с мужем и собирается разводиться. Вспыхнувший в княгине именно в этот момент интерес к лорду Хитчику неслучаен: в стрессовом состоянии человек чаще попадает под влияние секты, и даже если Мещерский не изучал специально этот вопрос, а изображенным в романе характерам далеко до художественных образов, созданных Достоевским, то именно этот сюжет показан очень верно. Лорд, человек женатый (его жена также занимается проповеднической деятельностью), очарован княгиней и предлагает ей вступить с ним в так называемый «духовный брак» [7, т. 3, с. 312] и «подчиниться <его> воле, чтобы иметь <его> силу» [7, т. 3, с. 315]. Этот «духовный брак», по словам лорда-апостола, дает «двойную силу над людьми и их душами; души, соединенные духовным браком – царят над массами, царят над толпами, царят над теми, кого любят; повелевают теми, кто их ненавидит, царят над природою». Здесь автором прекрасно показана главная цель сектантского лидера – **абсолютная власть над адептами**. Как отмечает современный ученый-религиовед И. В. Иванишко, «руководители сект способны безгранично манипулировать своими адептами, полностью контролировать их жизнь, располагать их временем, отдавать им любые приказы, накладывать на них любые обязательства» [10, с. 144]. Самое интересное, что даже в книге Лескова, где лорд показан двойственно (назван «весьма плохим богословом» и «кажется, хорошим человеком» [8, с. 181]) и где прослеживается определенная к нему авторская симпатия, автор также указывает на его желание властвовать и манипулировать людьми: «лорду Редстоку никак нельзя отказать в умении выбирать людей нужных для его целей и в большом такте, с которым он овладевает ими и заставляет их петь и плясать по своей дудке. Этого нельзя сделать без ума» [8, с. 104].

В романе Мещерского лорд Хитчик производит впечатление на слушателей и слушательниц вовсе не только и не столько своей проповедью: «Не знаю, сколько он душ спасет <...>, но в чем я уверена, так это в том, что у него фигура героя романа, который может погубить не одну, а несколько душ» [7, т. 2, с. 46], – говорит одна дама высшего света. Однако интересно то, что и Лесков причиной успеха Редстока также не считает его миссионерские качества и хорошее знание Священного Писания: «Успех лорда Редстока в высшем петербургском обществе сначала должно объяснять тем, что он лорд. Проповедующий лорд – это, как вы хотите, оригинально и так у нас необыкновенно, что

дамы и джентльмены полюбопытствовали его послушать» [8, с. 164]. Более того, Лесков указывает именно на несоответствие качеств лорда Редстока характеру миссионера, несущего просвещение: «Знатоку Писания с Редстоком говорить решительно не о чем; те, которые пробовали это, знают, что не стоит за это браться: Редсток библиист *roug les dames*, и с ними ему удобно. – Ни в литературе, ни в науке Редсток не проявил себя ничем замечательным; душевные его свойства мы уже более или менее знаем, а об уме его у нас совсем не принято говорить. Одно достоверно, что умным человеком лорда Редстока никто не считает, и сами его почитательницы против этого не возражают, но говорят только, что он «превыше ума». <...> Сами его родные считают его односторонне помешанным, и это мнение, разделяемое весьма многими, прокрадывалось и в печать, которая в подобных случаях в Англии весьма осторожна» [8, с. 97–98]. Все это перечисление далеко не лучших миссионерских качеств Лесков заканчивает заявлением о Редстоке, вынесенным в название нашей статьи: «...выскочил шутом на всю Европу» [8, с. 101]. Более того, автор прямо указывает на невоспитанность проповедника: «Манеры его лишены всякой изысканности и даже можно сказать, что им в довольно значительной степени недостает благовоспитанности, так, например, он никогда или почти никогда не сидит, как все люди, а бесцеремонно выбирает мебель поспокойнее и еще бесцеремоннее на ней валяется. Полагают, что он эту неблагопристойную манеру усвоил себе уже здесь, в России, где его особенно избаловали некоторые почитательницы» [8, с. 80].

Не замечает особенных достижений Редстока в искусстве гомилетики и сам Достоевский, посещавший, видимо, по приглашению Юлии Засецкой, проповеди Редстока: «Мне случилось его тогда слышать в одной "зале", на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно» [1, с. 98]. Важно отметить, что и Лесков, хоть и проявляет более лояльности по отношению к лорду и его религиозным взглядам, буквально вторит Достоевскому в изображении поведения проповедника перед публикой: «Во время беседы лорд Редсток не прибегает ни к каким театральным приемам протестантских проповедников, а говорит натурально, просто и скучно. Он также очень дурно держит себя во время беседы. Если он говорит с кафедры, то наваливается на борт ее всем туловищем, что выходит весьма некрасиво» [8, с. 120]. Итак, мы видим, что в изображении и Достоевского, и Мещерского, и Лескова лорд Редсток не наделен ни ораторским искусством, ни умом.

Именно Лесков также указывает, что полемика и религиозные диспуты не являются «коньком» лорда Редстока: «...атеистов, мне кажется, он боится. С атеистами лорд Редсток не имеет никаких дел и отказывается от всяких с ними прений: «Это не мое дело, говорит он; мне не дано средств убеждать таких людей и мне за это браться не следует. Они мне будут ставить открытия науки, которые можно видеть или понять, а я им должен буду говорить о невидимом Боге, в которого надо верить, даже не постигая Его: так ничего нельзя достичь» [8, с. 140]. «...Удивительно, – комментирует этот момент Лесков, – <...> что этот человек, имеющий, конечно, уже немалую практическую опытность в деле проповеди, так боится науки и атеистов! <...> из уст просвещенного христианина дико слышать этот страх перед результатами науки, которая сама в себе вовсе не атеистична; а главенство невидимого перед видимым отнюдь не так трудно доказывается, как об этом думает достопочтенный лорд» [8, с. 141]. И здесь напрашивается весьма показательное противопоставление: лорду Редстоку с его боязнью атеистов и науки можно противопоставить Макара Ивановича Долгорукого, который при отсутствии всякой учености (чего нельзя сказать о лорде – ведь должен же был лорд оканчивать какое-либо учебное заведение?) глубоко почитает науку и не видит в ней противоречия с религией: «сызмлада науку почитал, и хоть сам не смыслен, но на то не ропщу: не мне, так другому досталось. <...> Ты же млад и востер, и таков удел тебе вышел, ты и учись. Все познай, чтобы, когда повстречаешь безбожника или озорника, чтоб ты мог перед ним ответить, а он чтоб тебя неистовыми словесами не забросал и мысли твои незрелые чтобы не смутил» [11, с. 288], – такой совет дает Макар Иванович, крепостной дворовый человек, Аркадию. В то время как проповедник лорд «боится атеистов».

В.И. Даль, исследовавший историю сектантства в России, делил лидеров сект на две категории: «Между этими людьми нужно во всяком случае различать два рода лжеучителей: обманщиков и обманутых; первые сами не верили тому, чему учили других, а пользовались только их легковерием для житейских выгод своих; вторые же или были обмануты другими, или сами себя обманывали, находясь в некоторой степени помешательства» [12, с. 14]. Итак, если у Мещерского лорд Хитчик показан как сознательный обманщик, то есть первый тип циничного основателя секты, то у Достоевского и у Лескова лорд Редсток, скорее, представляет собой второй тип, который сам верит в свой дар и в свою миссию. Как пишет Достоевский, «...если он (Редсток – Т. К.) в самом деле искренен и проповедует новую веру, то, конечно, и одержим всем духом и жаром основателя секты» [1, с. 99].

Однако, как ни странно, при разнице взглядов исследуемых авторов на проблему мы видим ряд совпадений в описании сектантских лидеров, в частности лорда Редстока у Достоевского, Мещерского и Лескова. Это:

- 1) превалирование личности над вероучением;
- 2) желание властвовать и манипулировать людьми;
- 3) вместе с тем отсутствие сколь-либо ярких миссионерских и проповеднических качеств;
- 4) введение в транс последователей на собраниях;
- 5) ироничное изображение такого проповедника исследуемыми авторами.

Важно отметить, что секта всегда изолирует человека от общества и отрицает культуру и науку (так, ни один сектантский гуру не был известным писателем, музыкантом или ученым). Именно таковы и лидеры сект у Достоевского, которые при всех своих, возможно, благих намерениях, не могут видеть дальше своей замкнутой общины, следовательно, и приводят к поклонению лишь самому себе. Прославленные же в лике святых, напротив, зачастую являются носителями культуры, и их наследие представляет собой историческую ценность. К таковым, например, относятся русские святые: прп. Амвросий Оптинский и свт. Тихон Задонский, ставшие прототипами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Соответственно, и встречи со святыми и праведниками у Достоевского открывают для героев горизонты служения Богу, Отечеству, научных занятий и саморазвития.

Ссылки / Reference

- [1] Достоевский Ф. М. Лорд Редсток. Дневник писателя, 1876 г. // Собр. соч. Ф.М. Достоевского в 30-ти тт. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 98–99.
- [2] Карпачева Т. С. Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2014. Т. 12. С. 252–264.
- [3] Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения с опровержением последнего. Изд. 2. Петроград, 1915. 637 с.
- [4] Н. Б. Новый апостол в петербургском большом свете // Христианское чтение. СПб., 1874, май. С. 116–132.
- [5] Достоевский Ф. М. Миражи. Штунда и редстокисты. Дневник писателя, 1877 г. // Собр. соч. Ф. М. Достоевского в 30-ти тт. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 9–12.
- [6] Ипатов С. А. Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: спор о редстокизме (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 409–436.
- [7] К. В. М. Лорд-апостол в большом петербургском свете // Издание книгопродавца М.О. Вольфа. В 4-х тт. СПб., 1876.

- [8] Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. 2-е изд. СПб.: Типография В. Тушнова, 1877. 298 с.
- [9] Плотников К. История и обличение русского сектантства. Изд. 2-е, переработанное. Петроград: Типография М. И. Акинфеева, 1914. 230 с.
- [10] Иванишко И. В., Кулыгин В. В. Противодействие деструктивным культам в Дальневосточном регионе // *Власть и управление на Дальнем Востоке*, 2008. №2 (43). С. 139–146.
- [11] Достоевский Ф. М. Подросток // *Собр. соч. Ф. М. Достоевского в 30-ти тт. Т. 13. Л.*: Наука, 1975. 456 с.
- [12] Даль В. И. Исследование о скопческой ереси (доклад министру внутренних дел о деятельности в России изуверской секты скопцов) // *Неизвестный Владимир Даль*. Ногинск: Российский Остеон-фонд, 2006. 159 с.